

СВЕТ ВНУТРИ

ТИШИНА С
ХАРАКТЕРОМ

ЛЕСЬ ОГНЕВ

Лесь Огнев

Тишина с характером

«Автор»

2026

Огнев Л.

Тишина с характером / Л. Огнев — «Автор», 2026

Офисный работник Ал получает в наследство дом в деревне Подзаваленск. Там время течёт вспять, заборы обижаются, а местные жители — те ещё чудаки. Чтобы стать настоящим хозяином, Алу нужно не просто подписать бумаги, а позволить дому принять его. Первая книга цикла «Свет внутри» — смешная, тёплая и немного сумасшедшая сказка для взрослых о том, как найти себя там, где ничего не работает по правилам.

© Огнев Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лесь Огнев

Тишина с характером

Глава

СВЕТ ВНУТРИ

КНИГА ПЕРВАЯ

«ТИШИНА С ХАРАКТЕРОМ»

ПРОЛОГ

Голос был низким, с хрипотцой, как в старых кинотеатрах, где пахнет машинным маслом и ностальгией.

— Она началась с письма. С нелепого, абсурдного письма, которое перевернуло всё. Но, как это часто бывает, самое важное произошло задолго до письма. Когда человек, ещё не зная, что ищет, уже начал путь.

В Москве, в маленькой квартире на восьмом этаже, Ал смотрел на телефон и думал: «Почему я не могу просто нажать "отправить"?»

Он не знал, что через несколько дней его жизнь изменится навсегда.

В этой истории есть говорящий тостер, вязанные шарфы с предсказаниями и рыжая девушка, которая умеет превращать слёзы в жемчуг. А ещё — красная луна, но о ней пока ни слова.

Приятного чтения.

И ещё кое-что, прежде чем мы начнём. Время в этой истории будет вести себя странно. То оно побежит вперёд, то замрёт, то вообще пойдёт вспять. Не удивляйтесь. Это не ошибка. Это Подзаваленск.

Я мог бы объяснить вам, как это работает, но это всё равно что объяснять, почему ветер дует именно так, а не иначе. Просто знайте: здесь время — не часы. Это дыхание. Это память. Это обещание.

И если кто-то уедет отсюда на месяц, а вернётся через год — не удивляйтесь. Здесь его ждали. Здесь время ждало его.

ГЛАВА 1. Серые будни Ала, или Как рок-н-ролл ушёл в отпуск (а потом забыл дорогу обратно)

Город просыпался с таким видом, будто ему всю ночь снились налоги, пробки и необходимость отвечать на сообщения вовремя — и теперь он мстил всем подряд. Туман цеплялся за крыши, лип к витринам, обвивал провода. Утро расплзалось по столице, занимая каждый сантиметр пространства.

И именно здесь жил Ал.

Когда-то он был из тех людей, кто входит в комнату не просто ногами, а с внутренним саундтреком — обычно это был хард-рок, который сам собой включался, стоило переступить порог. В его жизни были рок-концерты, кожаная куртка, татуировки, вечеринки до рассвета. Он умел смеяться так, что это слышали даже соседи.

Но жизнь, как это часто бывает, не спорила с ним. Она просто подождала. А потом тихо, без лишнего шума, надела на него белую рубашку с воротником, который душил не столько физически, сколько морально, выдала пропуск с фотографией, где он выглядел так, будто только что узнал, что рок умер.

Первое время он пытался бунтовать: ставил будильник на «Highway to Hell», надевал под строгий костюм футболку с надписью «Я не сдался — я стратегически отступил». Но принтер жужжал в ответ, как будто смеялся над его надеждами. Вместо гитарных риффов — скрежет офисной техники. Вместо свободы — расписание.

Однажды вечером, вернувшись домой, Ал достал гитару. Она стояла в углу уже полгода. Он провёл пальцами по струнам — они отозвались фальшиво, обиженно. Он попытался сыграть ту самую песню, которую сочинил для Агаты, когда они только встретились. Пальцы не слушались. Аккорды рассыпались. Он сжал гриф так сильно, что костяшки побелели, и отложил гитару в сторону.

— Не сегодня, — сказал он вслух. — Завтра. Обязательно.

Он закрыл глаза. Внутри было пусто — не та пустота, где можно отдохнуть, а та, где эхо бьётся о стены и возвращается обратно. «Ты просто устал, — сказал он себе. — Завтра будет легче». Но голос внутри, тот, что не врал, шепнул: «Ты так говоришь уже три года. А легче не становится».

Он открыл глаза и посмотрел на кактус. Тот стоял неподвижно, но Алу показалось, что он слегка качнулся, будто хотел сказать: «Я здесь. Я тоже жду».

— Чего ты ждёшь? — спросил Ал вслух.

Тишина. И вдруг — почти неслышный, но отчётливый шёпот: «Ты знаешь, чего». Или это просто ветер за окном?

Ал помотал головой, но в груди что-то дрогнуло. Он не понял, что это было — надежда или страх.

В метро он смотрел в одну точку с тем особым отрешённым видом, который бывает у людей, мысленно уже уволившихся, но по недоразумению всё ещё находящихся на рабочем месте. В часы пик столица сжималась до размеров чужого локтя и мысли: «Почему я не стал отшельником где-нибудь у моря?»

В 8:15 он выходил на своей станции, и эскалатор поднимал его наверх, к небу цвета бетона. Этот подъём был похож на восхождение на Голгофу — только без креста, зато с ежедневным страхом опоздать. Работа была обычной. А обычное, как известно, самый опасный наркотик для души: привыкаешь — и вот уже не замечаешь, как из жизни исчезает цвет.

Офис встретил его запахом растворимого кофе, пластика и чужой тревоги. Ал сидел в кабинете с бледно-бежевыми стенами. Перед ним лежали бумаги, таблицы, задачи, отчёты. Он заполнял ячейки. Строка за строкой. День за днём.

Однажды он смотрел на отчёт, который составлял уже третий час, и вдруг понял: если этот документ исчезнет, никто не заметит. Даже он сам.

— Ты чего застыл? — спросил Костя, высунувшись из-за перегородки. — Синхронизируемся по приоритетам?

— Костя, — сказал Ал, не поднимая глаз, — если я когда-нибудь скажу «синхронизируюсь» без иронии, пристрели меня. Пожалуйста.

Костя обиженно хмыкнул, но отошёл.

В обеденный перерыв он выходил в коридор, доставал телефон и смотрел на старые фотографии. Он с друзьями, он с Агатой, он на рок-концерте — ещё с живым лицом и глазами человека, который искренне верит, что может спать по три часа и не превращаться в скучного взрослого. Он листал их и чувствовал, как прошлое с тихим щелчком закрывает перед ним дверь. Вежливо. Как менеджер, который говорит: «Спасибо за ваш отклик, мы обязательно свяжемся с вами».

Он помнил тот вечер. Сызрань. Она сказала: «Я уезжаю. С курьером. Он обещал мне ресторан». Ал хотел сказать: «Останься». Вместо этого сказал: «Удачи». Он не знал, что этот курьер однажды станет ресторатором, а она — просто женщиной, которая пекла сырники и плакала по ночам. Он не знал, что через много лет письмо из Сызрани станет для него не проклятием, а напоминанием: люди меняются. Даже те, кто причинил боль.

Тогда, в тот вечер, он заметил кое-что странное. Когда она говорила о переезде, её пальцы дрожали. Она сжала запястье — там, где обычно носят браслеты. Но у неё не было браслета. Она никогда не носила украшений.

— Странно, — сказал он тогда. — Почему ты трогаешь пустое место?

Она вздрогнула, убрала руку и улыбнулась — фальшивой, слишком яркой улыбкой.

— Привычка, — сказала она. — Просто привычка.

Он не придавал этому значения. Она всегда была странной. Он любил её за это. Но теперь, вспоминая, он понимал: это была не привычка. Это была память тела. Она искала браслет, который когда-то носила. Который оставила где-то там, в прошлом, о котором никогда не говорила. Она никогда не рассказывала о своей семье. На вопрос «откуда ты?» отвечала: «Из ниоткуда». Он думал, она просто не хочет вспоминать. Теперь он начинал догадываться, что она боялась. Чего-то, что осталось там, в том месте, о котором она молчала.

Ал закрыл телефон. Мысли о Сызрани ушли, оставив только лёгкую горечь. Он не злился на Агату. Он просто перестал ждать. И это было хуже, чем злость.

Его друзья... когда-то они напоминали стихийные бедствия. Но теперь их искры будто прикрыли стеклянными колпаками. Один друг всё время говорил о ремонте, другой вечно был занят «делами», которые никто не видел. Они встречались всё реже. Сначала потому, что «надо бы выбрать время». Потом стало неловко даже писать простое: «Ну что, увидимся?»

Однажды вечером, когда город за окном уже окончательно превратился в мозаику из окон и обещаний, Ал сел на единственный стул, обхватил чашку обеими руками и пробормотал:

— Может, просто написать им всем: «А давайте хоть раз сделаем что-то безумное. Хоть что-нибудь. Хоть просто пойдём и посмотрим, как море делает вид, что его никто не волнует».

Он даже открыл чат, набрал: «Ну что...» — и замер. Пальцы зависли над кнопкой отправки, как парашютист над люком: вроде и надо прыгать, а вдруг внизу нет земли. Вдруг никто не ответит.

А потом телефон звякнул — и это был не ответ от друзей, а уведомление: «Напоминание: завтра совещание в 10:00».

Ал вздохнул, закрыл чат и посмотрел на гитару в углу. Она молчала. Но в этом молчании было столько упрёка, что он отвёрнулся.

— Не сегодня, — сказал он. — Но когда-нибудь точно. Обязательно. Пусть даже мне придётся для этого украсть корабль.

Он усмехнулся своей же мысли — горько, но с искрой. Искра была маленькой, почти незаметной, но она была. Где-то там, под слоями усталости и рутины, его старая жизнь ещё тлела.

Ал сидел на полу, прислонившись к стене. В комнате было темно. Только свет от телефона падал на его лицо. И вдруг он услышал голос. Тихий, едва слышный.

«Ты не должен быть здесь. Ты должен идти».

Ал вздрогнул. Оглянулся. В комнате никого не было.

— Кто здесь? — спросил он.

Тишина.

«Иди, — повторил голос. — Иди туда, где ждут».

Ал помотал головой, пытаясь прогнать наваждение. «Просто усталость», — думал он. Но где-то глубоко внутри он знал: это было не просто усталость. Он лёг спать, но голос ещё долго звучал у него в ушах, как эхо, которое не хотело затихать.

ГЛАВА 2. Дядя Вася, котики и прочие обстоятельства смерти

Вечер у Ала выдался из тех, что медленно превращают человека в мебель. Он сидел в полумраке, на столе стояла остывшая кружка чая. На полу валялась гитара — забытый артефакт эпохи рок-н-ролла.

На экране ноутбука мелькали старые фотографии. Он листал их и чувствовал, как прошлое закрывает перед ним дверь. Уже собирался отложить телефон, как экран вспыхнул новым сообщением.

Сердце дёрнулось так резко, будто оно наконец вспомнило, что когда-то умело надеяться. На секунду ему показалось, что это Агата. Что сейчас там будет что-нибудь простое и невозможное вроде: «Я скучаю» или «Сызрань — это была ошибка».

Но нет.

Сообщение было от нотариуса. Причём не просто от нотариуса, а от того самого, который, как позже выяснилось, иногда притворялся юристом, чтобы не скучать.

«Уважаемый гражданин Ал, — начиналось оно, — доводим до вашего сведения, что ваш дальний родственник по отцовской линии, Василий Валерьянович Длиннохвост, в просторечии дядя Вася, скоропостижно скончался в результате несчастного случая необычайной комичности и общей неустойчивости нервной системы. Смерть наступила при просмотре видеоролика с котиком, которого тошнило шерстью. По предварительным данным, покойный смеялся до тех пор, пока не перестал. Выражаем соболезнования и недоумение».

Ал перечитал это дважды, потом ещё раз. Кто-то умер, и умер самым нелепым образом из всех возможных.

Дядя Вася. Василий Валерьянович Длиннохвост. Имя было настолько нелепое, что казалось не фамилией, а фокусом. Ал вообще не знал, что у него есть такой дядя. Но, судя по тону сообщения, дядя Вася, наоборот, прекрасно знал, что у него есть Ал.

Сообщение продолжалось:

«Ввиду отсутствия иных достойных наследников и в связи с особой волей усопшего, вам передаётся всё имущество, движимое и недвижимое, а также иные предметы, вещи, объекты, сущности и обстоятельства, находившиеся в собственности вышеупомянутого гражданина. Для вступления в наследство необходимо в кратчайшие сроки прибыть в деревню Подзаваленск, где будет произведено оглашение, передача, уточнение и, при необходимости, коллективное удивление».

Ал откинулся на спинку стула так резко, что тот жалобно хрустнул.

Подзаваленск. Само название деревни звучало так, словно её основали не люди, а случайная фраза, брошенная усталым географом: «Да ну его, пусть будет Подзаваленск». Место,

которое уже в имени признаётся: да, здесь всё немного перекошено, да, здесь лучше не строить планы.

Ал снова посмотрел на экран телефона. Потом на фотографии Агаты. Потом в тёмное окно. Что-то внутри него дрогнуло. Не от абсурда — от странной, щемящей боли. Он никогда не знал этого человека. Никогда не видел его. А теперь дядя Вася лежал где-то в морге, и единственное, что осталось от его жизни, — это сообщение от нотариуса.

«Смеялся до тех пор, пока не перестал». Ал представил себе эту картину: старый человек, одинокий, сидит перед экраном, смотрит на котика, которого тошнит шерстью, и смеётся. Смеётся так, что не может остановиться. Смеётся до смерти. И в этом было что-то одновременно смешное и невыносимо печальное.

СОН О ДЯДЕ ВАСЕ

Ал провалился в сон. И ему приснилось старое крыльцо, заросшее плющом. На нём сидел старик с пушистым хвостом, который лениво покачивался в такт его дыханию. Старик смотрел на телефон и хохотал так, что слёзы текли по щекам. На экране — рыжий кот, которого тошнило шерстью.

— Дядя Вася? — спросил Ал.

Старик поднял голову. У него были добрые, чуть насмешливые глаза. Он улыбнулся — тепло, по-родственски.

— А, племян. Пришёл-таки. А я уж думал, ты решишь, что я — бред, и останешься в Москве. Молодец, что поехал. Ну, во сне. Пока поехал.

— Вы... вы настоящий? — Ал не знал, как говорить с призраками. — Я имею в виду, вы же умерли.

— Умер, — легко подтвердил дядя Вася. — И знаешь, это было весело. Я смеялся, пока не перестал. Хорошая смерть. Лучше, чем умереть в очереди за колбасой или на скучном совещании. Ты знаешь, как мало людей уходят со смехом? Это редкая роскошь.

Ал сел рядом с ним. Хвост дяди Васи мягко коснулся его плеча.

— Зачем вы оставили мне дом? Я вас не знал.

— Именно поэтому. Те, кто меня знал, хотели чего-то. Денег, земли, власти. А ты просто приехал. Потому что тебе было нечего терять. И ещё потому, — он подмигнул, — что тебе нужен был толчок. Ты ведь чувствовал, что застрял. Даже если не говорил себе этого.

— Я... да, — признался Ал. — Я застрял.

— Я знаю, племяш. Я всегда знал. Поэтому я ждал тебя. Не просто так. Я хотел, чтобы ты понял: есть места, где время течёт иначе. Где можно начать заново. Где ты не просто «офисный работник», а часть чего-то большего.

Дядя Вася посмотрел на лес, который за его спиной был тёплым и золотым, будто освещённый вечным закатом.

— Ты думаешь, я умер, потому что смотрел котика? — он улыбнулся. — Нет. Я умер, потому что решил уйти. Со смехом. Я хотел, чтобы моя смерть была лёгкой. Чтобы все улыбались, когда вспомнят меня. Но не грусти, если заплачешь. Плакать — значит любить.

— Я не знал вас, — повторил Ал. — Я даже не знал, что у меня есть такой родственник.

— Значит, у тебя есть целая жизнь, чтобы узнать. Я оставил тебе не просто дом. Я оставил тебе семью. Странную, нелепую, но семью. И там есть одна рыжая девушка, которая ждёт тебя дольше, чем ты думаешь. Мой старый тостер ещё в первый год, когда я переехал, показал гренку с её профилем. Я тогда не поверил, а теперь вижу — всё сходится.

— Рыжая девушка?

— Увидишь. Она сумасшедшая, племяш. В хорошем смысле. Она разговаривает с бобрами и заборами, превращает слёзы в жемчуг, а когда злится — вокруг неё цветы вянут и распускаются заново. Она — стихия. И ей нужен кто-то, кто не испугается её безумия.

Дядя Вася встал, поправил хвост.

— Мне пора. Но я буду рядом. В шарфах Майкла. В огурцах бабы Ланы. В глупых шутках Ухоплана. В тишине, которая слышит. Не забывай меня, Ал. Но и не грусти. Улыбнись, когда вспомнишь.

— Я буду, — сказал Ал.

— Вот и славно. А теперь просыпайся. Там тебя ждут.

Дядя Вася шагнул в тень и исчез, оставив на ступеньке пушистый хвост. Ал хотел закричать, но старик обернулся и сказал:

— Не бойся, племяш. Я просто хорошо провёл время. А теперь иди.

И всё исчезло.

Ал проснулся с мокрым лицом и понял, что плакал. Он не знал этого человека, но почему-то его потеря отозвалась внутри чем-то тёплым и горьким одновременно.

На подоконнике стоял старый кактус. Тот самый, из Москвы. На его колючке висела маленькая записка:

«Племянш, ты справишься. Дядя Вася (посмертно, но с тёплыми чувствами)».

Ал сжал записку в руке и улыбнулся сквозь слёзы.

Он нажал вызов маме. Гудки шли долго, с какой-то домашней неторопливостью.

— Алё? — наконец отозвалась мама.

— Мам, — сказал Ал и сам услышал, что голос у него получился глухой. — Скажи... у нас был дядя?

На том конце повисла пауза.

— Который? — спросила мама с осторожностью.

— Василий Валерьянович Длиннохвост.

И тут мама не просто оживилась — она буквально расцвела голосом. Но в этом цветении была не радость, а что-то другое: теплота, смешанная с грустью.

— Ах, Вася, — сказала она, и в голосе её вдруг появилась нежность. — Добрый чудак. Очень достойный был человек. Он всем помогал. И вообще был необыкновенный. У него и правда был хвост. Как у белки. Очень приличный хвост, пушистый, воспитанный. В Подзава-ленске его звали Хвостатый мудрец. Жалко, что так вышло... Он был чудной, но хороший.

— Мудрец? — переспросил Ал.

— А что тебя удивляет? — искренне не поняла мама. — Он мог часами смотреть на осенние листья и не спорить. Это редкий дар.

— Мам... у нас вообще как это возможно? Мы же люди.

— Ну, — сказала мама с такой интонацией, будто объясняла очевидную вещь, — это же сводный дядя.

— Сводный? Это как?

— Очень просто. Сын второго брака твоего деда и белки-летяги.

Ал замолчал. Тишина стала тяжёлой.

— С белки-летяги? — медленно повторил он.

— Да. Они познакомились на выставке орехов. Прекрасная была история. Любовь с первого взгляда. Дед тогда как раз пришёл посмотреть на сорта фундука, а она выступала с прыжком через миниатюрную бочку. Очень эффектно.

Ал хотел рассмеяться — но смех не пришёл. Вместо него в груди разрасталась странная, щемящая пустота. Он не знал этого человека. Не знал своего деда. Не знал никого из этой странной семьи.

— И ты хочешь сказать, что это никого не смущало? — спросил он, но голос его звучал уже не возмущённо, а устало.

— Ал, — вздохнула мама, — это деревня. Там и не такое было. Однажды почтальон три дня подряд приносил письма без адреса — и все их кому-то вручали. Потому что в Подзава-ленске адреса — это скорее настроение, чем география.

— Но... фамилия? Почему у нас фамилия нормальная, а у него Длиннохвост?

— Ну, у белки-то, конечно, была своя фамилия. Просто мы её не произносим вслух. Во-первых, из уважения. Во-вторых, боимся, что снова кто-нибудь заведёт ореховый спор. А в прошлый раз он длился два года, и в финале кто-то даже вызвал лесничего как эксперта.

Ал закрыл лицо ладонью. Плечи его дрогнули. Он не плакал — но был близок к этому.

— А отец? — спросил он после долгой паузы. — Он правда пропал за гаражами?

На том конце снова стало тихо. Мама вздохнула.

— Ну, Ал, ты уже взрослый. Можно сказать.

— Говори.

— Он не пропал. Он ушёл в Шир.

Ал медленно моргнул.

— В какой Шир?

— В Средиземье, Ал. Не перебивай.

— Мама...

— Он вступил в Братство Кольца.

— То есть... он ушёл с какими-то хоббитами?

— С очень достойными хоббитами. И вообще, это был важный путь.

— Но он же... он же работал на заводе.

— Это была легенда прикрытия.

— И что случилось потом?

Мама снова вздохнула.

— Хотел помочь Фродо. Но не справился с силой Кольца.

— И?

— Упал в жерло вулкана.

— Мам...

— Перед смертью закричал: «Моё».

Ал закрыл глаза. Слёзы подступили к горлу — он не знал, откуда они взялись.

— Как Голлум? — спросил он едва слышно.

— Точно, — ответила мама, и голос её дрогнул. — Очень убедительно. Все плакали. Даже лесник. А он вообще человек суровый: однажды отказался здороваться с ёлкой, потому что она «слишком много на себя берёт».

Ал молчал. Потом медленно опустился на пол, прислонился спиной к стене и закрыл глаза.

— Мам... он вообще человек был?

— Ну, — протянула она, — он был человекоподобный. В хорошем смысле. С душой. И с приближением к высшим мифологическим формам.

— А сейчас?

— Теперь — пепел в ветре. Или персонаж легенды. Кто его знает. В Подзаваленске вообще плохо с границей между реальностью и сказанием. Там и почтальон, и философ, и местный козёл — все частично символы.

— И он... правда меня любил?

На этот раз мама ответила не сразу. Пауза затянулась.

— Конечно, — сказала она наконец. — Он всегда говорил: «Пусть Ал будет счастлив. Даже если в Подзаваленске».

Ал закрыл глаза. Слёзы всё-таки потекли — тихо, беззвучно.

— И... наследство? — выдавил он. — Это тоже из этой области?

— О, наследство, — оживилась мама. — Да, там всё очень важное. Дом, сарай, три банки солений, седло, шляпа, старый компас, четыре чемодана с неизвестным содержимым и, кажется, что-то, что в документах обозначено как «нежелательная сущность, но пригодная в хозяйстве».

Ал хотел рассмеяться — но вместо этого всхлипнул.

— Мам... почему ты говоришь об этом так спокойно?

— Потому что, Ал, — сказала она с очевидностью человека, пережившего слишком многое, — если в твоей семье есть дядя с хвостом, отец в Средиземье и наследство из Подзаваленска, то главное — не задавать лишних вопросов. И обязательно взять с собой тёплые носки. В сарае сквозняки.

Они попрощались. Ал ещё некоторое время сидел на полу, прислонившись к холодной стене. Потом медленно поднялся и подошёл к кактусу на подоконнике. Записка дяди Васи всё ещё висела на колючке.

«Племяш, ты справишься».

Ал взял кактус в руки. Иголки больно впились в ладонь. Боль была настоящей. Живой.

— Ладно, — сказал он вслух. — Пусть будет Подзаваленск. Пусть будет дядя с хвостом. Пусть даже окажется, что вся моя жизнь — это побочная ветка какого-то большого семейного эпоса.

Он поставил кактус обратно, и ему показалось, что тот слегка качнулся в сторону двери. Будто кивнул.

Он лёг спать. И впервые за долгое время ему снился старый дом в Подзаваленске, и в нём кто-то ждал. Кто-то с хвостом. Кто-то, кто улыбался во сне.

А где-то в горах, далеко от Москвы, маленькая искра золотого света вспыхнула на мгновение и погасла. Кто-то ждал. Уже очень скоро.

ГЛАВА 3. Из Москвы в Крыжопль, или Как понять, что жизнь уже не будет прежней

Утром его разбудил громкий стук в дверь. Не обычный, а такой, будто кто-то пытался выбить дверь ногой, но по дороге уже успел передумать, поссориться с реальностью и выпить что-то подозрительное.

Ал приоткрыл один глаз, потом второй. Стук повторился. Он встал, пошатываясь, и пошёл к двери.

На пороге стояло существо, к которому слово «человек» подходило примерно так же, как балетные пуанты к трактору. Уши у него были как у слона, только более задумчивые. Глаза красные, будто он всю ночь играл в гляделки с комарами. Запах был такой, будто он провёл три дня в бочке из-под квашеной капусты.

На груди висел бейджик: «Протокоп, почтальон». А ниже, криво, маркером: «Все зовут Ухоплан. Не спрашивайте почему».

— Письмо... — прохрипел он, вытащив мятый конверт. — От... дяди... Васи... Потом он ещё раз посмотрел на Ала и продолжил: — И... билет... у тебя... уже есть...

— Что?

— Электричка... Дорогу... знаю... сам... доведу... если не умру по пути... или если мне... никто... не даст... пить... — Он трагически поднял палец: — Потому что... если я пью... я... превращаюсь... в... — Пауза. — ...в Ухоплана.

Ал молча переваривал услышанное. — А если... алкаш и дебошир... — пробормотал он, цепляясь за косяк, — ...то он вообще... не умеет... вести себя... в Подзаваленске...

После этого он победил гравитацию, но не окончательно. Сунул Алу конверт, сделал шаг назад, потом внезапно решил, что горизонтальный режим — это его судьба, и рухнул прямо на порог. Захрапел.

Ал постоял секунду, посмотрел на тело у двери, потом на конверт в руке, потом снова на тело.

— Отлично, — пробормотал он. — Утро не задалось, а дальше, видимо, будет ещё хуже.

Он поднял конверт, зашёл в квартиру, закрыл дверь ногой, стараясь не смотреть на храпящего почтальона. Сел на край стула и вскрыл письмо.

Внутри лежал билет на электричку и записка, написанная неровным, но уверенным почерком:

«Ал, я знал, что ты приедешь. Хвост мой — твой. Дом — твой. Коты, которые тошнят шерстью в тапки, — тоже твои. А кактус... он уже всё тебе рассказал. Просто ты не слышал. Приезжай. Здесь смешно. Здесь странно. Здесь по-настоящему. И да — не давай Протокопу пить. Он и правда становится неуправляемым. В прошлый раз он, напившись, объявил себя министром тумана и три дня спорил с сараем. С уважением, твой дядя Вася (посмертно, но бодро)».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.